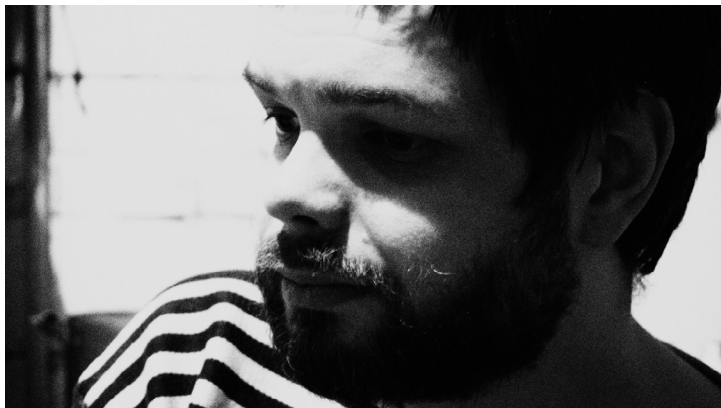

[НОВАЯ ПОЭЗИЯ]

[новая поэзия]

Василий Бородин
Лосинный остров

Стихи 2005–2015

Новое литературное обозрение
Москва
2015

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
???

Знак как причина урожая. О стихах Василия Бородина

Бородин Василий

Б?? Лосинный остров / вступ. ст. Алексея Порвина. М.: Новое литературное обозрение, 2015 г., 137 с.

ISBN 5-4448-01&&-&

Василий Бородин (р. 1982) — поэт, художник. Окончил Московский государственный вечерний металлургический институт. Работает редактором, иллюстрирует стихи и прозу. Автор книг стихов «Луч. Парус» (2008), «P.S. Москва — город-жираф» (2011), «Цирк “Ветер”» (2012) (шорт-лист Премии Андрея Белого и премии «Различие»), «Дождь-письмо» (2013). Участник фестиваля «Поэтроника» (2008, 2010). Живет в Москве.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

© В. Бородин, 2015
© А. Порвин, предисловие, 2015
© С. Тихонов, фото, 2015
© Оформление. ООО «Новое
литературное обозрение», 2015

Нет смысла обращаться к топосу поэзии как «словесной живописи» не только в силу некоторой его исчерпанности, но и по причине присутствующего в нем указания на подразумеваемый миметический компонент, призванный объяснить и оправдывать внутренние законы и движения отдельно взятой поэтики. Модель, основанная на аналогии «поэзия-живопись», пусть останется исследователям прошлого; да и гносеология-живопись как способ высказываться о стихах не представляет для меня большого интереса. Однако у этого подхода, основанного на «визуальных» аналогиях, есть значительное и недостаточно опробованное ответвление. Я имею в виду иероглифику: вычерчивание гносеологических иероглифов может оказаться в равной степени воодушевляющим и ужасающим занятием. Однако, коль скоро я взялся стоять у истоков моей личной *Азии-обо-всем*, творить иероглифы — дело неизбежное.

Первая горизонтальная линия. ручей

Я в духе! Словно, как ручьи
 С высоких гор на доли злачны
 Бегут, игривы и прозрачны,
 Бегут, сверкая и звеня
 Светлостеклянными струями,
 При ясном небе, меж цветами,
 Весной: так точно у меня
 Стихи мои, проворно, мило
 С пера бегут теперь; — и вот
 Тебе, мой явный доброхот,
 Стакан стихов: На, пей! Что было,
 Того нельзя же воротить!

Н. Языков

Музы, как мы помним из работ средневековых поэтологов (например, К. Ландино), способны вселиться в человека вовсе не искусного в поэзии, даруя ему способность творить выдающиеся поэтические произведения, что, с точки зрения теоретиков той эпохи, является ничем иным, как доказательством божественного происхождения поэтической речи. Упомянуть об этом необходимо в связи с тем немаловажным обстоятельством, что в стихах Василия Бородина открытость, простосердечность и даже некоторое простодушие интонации идут рука об руку с нарочитой «неискусностью». Последнюю характеристику нужно брать в кавычки, потому как никакой неискусности или, упаси Боже, неумелости в этих стихах нет, но есть *манифестирование* неискусности как жест, в случае Бородина имеющий значение (само)стилизации. Зачастую эта разновидность *манифестирования* выполняет функцию своего рода предельно герметичной оболочки, в которую помещает себя поэт.

Даже беглого взгляда на поэтику Бородина, на все те изменения, которые она претерпела на протяжении десяти лет, достаточно, чтобы понять: перед нами поэт, искусно (пусть и с некоторой осторожностью и неуверенностью) осваивающий и осуществляющий русский стих. В самом деле, стихотворче-

ское мастерство Василия Бородина обнаруживается практически во всем, и читателю даруется многое: от беспримесных классических метров: «когда архимандрит Зинов / осмыслил заново канон» — до ритмической расхлябанности: «ночью гóлоса и соловушкой корабля / поёт дальняя кораблю земля», от архаичного: «слова, умнейших вам соседств! от отчих гнёзд пора к звездам» — до полубезумного и полузаумного: «аристократизма смысловых ежей» и «где нам там крыльев / где нам там тут / крылья укрыли / где нам туда» и т. д. Ручьевая логика данного поэтического письма многослойна, надводный и подводный миры и мирки в восприятии читающего (и, может быть, самого автора) часто меняются местами, поэтому любой, кто возьмется проникать эти глубины и обманчивые отмели своим восприятием, рискует очутиться в области той пространственной подвижности, какой способна оморочить и зачаровать устремленность потока. Однако если этот поток бородинской речи, как видно почти сразу, не обрушивается с высот и не стремится «на доли злачны» (антитезы «высокое — низкое» или «духовное — мирское» в поэтическом мире Бородина нет), то как он движется в этом мире, где связь между чувством и предметом настолько прямая, что поэт может сказать «я люблю тебя так что вода начинает сиять»?

Вторая горизонтальная линия. Равнина

В нем вера полная в сочувствие жила.
 Свободным и широким метром,
 Как жатва, зыблемая ветром,
 Его гармония текла.

Е. Баратынский

На берегах ручья, конечно, поля в разгар убора урожая. Бородинскую точку обзора, позицию наблюдателя, из которой осуществляется то самое «альтернирование смысла»¹, на которое

¹ Житнев А.А. Поэзия неомодернизма: Монография. СПб.: ИНАПРЕСС, 2012. С. 344.

совершенно справедливо указывает Александр Житенев, можно ощутить по косвенным признакам, всякий раз воссоздавая ее посредством акта читательского опыта, опираясь в том числе на интонационные особенности письма. Простосердечие и детскость интонации через нарочитую неискренность ведут за собой в пространство говорения предсказуемое отношение к миру и к себе: не-страстность, не-искушенность; в стихах Бородин нет ни одного элемента «взрослого» мира: поэт загерметизирован в своем звучном добросердечии к миру, не воспринимая никакой «взрослой» проблематики, а этический компонент, посредством инфантилизации расщепляясь на простую оппозицию, предъявлен на уровне «ты ещё скажи, так устал, что в трамвае места не уступил».

Несколько лет назад поэт Олег Юрьев, представляя стихи Василия Бородина в журнале «TextOnly», отметил, что у Бородина нет «потребности и склонности посредством стихов раскрывать, дораскрывать и перераскрывать свою личность и рассказывать, дорассказывать и перерассказывать свою жизненную историю»². Это точное положение можно дополнить одним положением: в стихах Бородина отказ от подобной «самости» не оборачивается растворением или ритуальным сжиганием, но подменяется постоянным отодвиганием своего «я» в сторону, индивидуально-личностное как бы постоянно умалется и ставится на *место*.

Благодаря этому в словах проступает, усиливается и обостряется свойственный Бородину взгляд «по горизонтали», где все существа и предметы уравниваются не только со всеми существами и предметами, но и, что главное, с самим наблюдателем. Эта особая сердечная теплота как результат «уравнивания» нередко достигает такой концентрации, что предстает бескрайним маревом, в котором можно многое разглядеть и услышать, прежде всего —

Чёткие точки. Силуэты в дали

Как все меняется! Что было раньше птицей,
Теперь лежит написанной страницей;
Мысль некогда была простым цветком,
Поэма шествовала медленным быком;
А то, что было мною, то, быть может,
Опять растёт и мир растений множит.

Н. Заболоцкий

Среди полей сердечной теплоты, в мареве, принимающем очертания любого пространства — и сельского, и городского, и пространства дословесного сияния — существа, которые обозначаются автором как «человек», «пёс», «вол в Валахии», «медведки и землеройки», «охотник», «торговец», «монах», «макака», «читатель», «советский скульптор» (и тут же «советский врач») и т.д. — как правило, их функция является ключевой в развертывании (речевой) ситуации каждого стихотворения, что роднит бородинское мышление с фольклором, связь с которым подчеркивается — в том числе — особой ритмизацией некоторых текстов и своего рода напевностью: «вол и овечий сыр / мел и облака / и идёшь как сын / а не как». В этом мире, в котором можно проверить, «как работает / зерно» и установиться, что «оно само себе и хлеб и солнце», любое существо — жнец, потому что в колос — и в более глобальном смысле — в урожай — может быть преобразовано всё, попадающее в оптику поэта. Наука геометрия утверждает, что точка не имеет измеримых характеристик — и это применимо к существам в поэтическом мире Василия Бородина: их присутствие обозначено точечно, внятно и чётко, но как объекты они являются нульмерными, при том каждое существо одновременно является точкой, в которой прочитывается исток разноплановой смысловой фокусировки, и точкой как знаком препинания, завершающим высказывание-стихотворение. Чем эти существа удерживаются в авторском пространстве, посредством чего к ним можно прикоснуться?

² TextOnly. 2007. № 21 (<http://textonly.ru/votum/?issue=21&article=16817>).

*тучки слога немногие —
они все тебе
потому что их раз и две
и подписано всё в печать:
«логос»*,
«агапически»**,
«миксолидийский лад»***
*лодка, течь
**кови, вплавь
***бéрег ночи
и Большой медведицы меж-
звёздные углы
замерли, как стрёлки*

I
Стухи 2005—2014

* * *

разбитые сердца сбивались в стаи
и шли
ой что бы стало что бы с нами стало
если б мы встретились у них на пути у них на пути

они бы
наши
сердца подбили
они бы наши
сердца
разбили

и повели с собою
в свой поход

святой поход

в свой
святой
поход

на зёмли неба

* * *

проверим
как работает
зерно
оно само себе и хлеб и солнце

проверим
как работа-
ет до-
рога

она сама себе
и дверь

и

свет

* * *

это мой узор
мёртвая вода
вот она стоит
вот моё лицо

я люблю тебя так что вода начинает сиять

Памяти Целана

с внутренней стороной света тянется снег счастливый
 строек и честных лестниц у сада — с ними
 нимбами гонги битв уголок свиданье
 парусник-снег и золото немоты

тычется точкой лада в удар осинки
 падающий солдатом окоп удара
 в снег в синеву качающейся спасибо
 лампы над государством

пламя землёй червонное дымкой лето
 пасть и границей стать и воскрес сосед а
 сточенный луч и истина с ним о рост и
 честь твою не оканчивают беседу

камешки из-под ног огней нимбов ломают
 укоренённый в окрике: счастья ради!
 пели дымок угадывая свободы
 свёрнутые тетради

и под ручное око своих угаек
 пал вóроном утрированный свет хбра
 стравливавшего нас мой Господь но так и
 не угадавшего узел на разговоре

* * *

запятая читала медленно
 окружающие слова́
 — почему я здесь?
 я жива?

а слова́ уходили в стороны
 и уже́
 в абсолютно свободном воздухе
 у стрижей

запятая и говорит себе:
 всё
 всё
 всё

* * *

оставляя чуть-чуть
воды поговорить
камень смотрит на солнце
и говорит:

— этот пар, поднимаясь ровно,
рисует мой
верный внутренний облик:
я немой

и не видел почти ничего
кроме тебя, солнце

* * *

коптское сердце выше метеорита
слушается команды потом горит о
промахе Бога молит и там растёт
деревом — корни в стороны ветки к веткам

прочих проросших всадниками птиц спящих
строго опережающих свет летящий
жизнью своей несломленной как гранат
— коптское сердце, зёрна его и — над

* * *

в издательстве «верный шар» издают
шарообразные книги с единственной буквой
«о» внутри:
она, не меняясь
при любом ракурсе, — перевод
всех прежних книг

шары тают
когда им верят

* * *

терменвокс распадается на мензуру и амплитуду
туда смыли золото по ошибке
и икона в воздухе обрастает
человеком — встречным, любим другим
поролон в подошве плохих кроссовок

расставанье, гимн

* * *

в седой ветер
в с-тобой-видеть
серый ветер врывается —
видеть как
в острые листья бьётся мел

деревцу у стены
деревце у воды

говорит: седой? — нет
опять серый
серый ветер врывается
в с-тобой-видеть

в острые листья идёт и идёт вода

* * *

в бережёных буднях
разрежен хлеб
голубиный вдох
а и песня «жалко? нет»

а и так понятно
но сквозь страничку —
«или да»,
свет вокруг руки

* * *

порисуй
а волос
круг о ветер
туго вихрь

с неба суд
с кроткой младости уста
петь спасут
заболело полкуста

...

в танце плут
в ранце паданцы
лист вокруг
спящей гусеницы

на дороге нищие полкуста и
стаи стаи
и стаи стаи

* * *

горний тёплый облёт
не владений а вдоль
горных стен самолёт
тишина и юдоль

камешек тишины
всё взбирается рад
и на самой луне
виноград
виноград

* * *

1

вне земных своих слабых стран
вне границ
поёт угол колóк заряд
света — звукоряд
и из неотвратимых ран —
взрыв ресниц

чем старения серафим —
краска, слой —
ни раскачивал бы ветвей
свод — живей
всё становится: он как фильм
он незлой

границ таяния по «чуть
было не простил»
у него сторонятся глаз
и сплелась
сетка среди листвы лучу —
был, простил

2

...ВОТ

любая
не-нота!

* * *

конь стоит направлен в ухо
— это ещё не топот а
тень его — како́го духа,
да?

конь свят веткой над пятном
лбу ещё предстоит мысль-око
нимбами бьются бом! над ним день за днём,
током

так он и в бой идёт — сонный, счастливый, — там,
за обёртками страха
и — как бы дождь из гусениц по пятам,
вдох

* * *

и как словарь два сердца —
о разном как одно
неточное: два сердца
или окно в окно

глядящее и между
так мечется листва
что если есть надежда,
то — потерять слова

* * *

нота майского жука
ни
с чем не сравнима
— как навстречу тебе — мыслящий орех
а у тебя в черепной скорлупке —
вообще ничего,
после
всех лет и книг

* * *

по кромке крыш —
 проходит разлившись линией
 солнце и глядишь:

сравнивающий слой
 взгляда похож на любящий, но тот — боком
 и пропал
 и во всём

* * *

чай разлетается чуть-чуть
 вмятыми шариками: путь
 из них любого — невесом,
 «проснувшись в сон»,

и космонавты их легко
 по носу щёлкнут, как мальков,
 или в наушниках — не «что»,
 а решето:

в сетчатом треске тишины —
 само безмыслие длины
 крутящего себя пути,
 и

*ты прости,
 что не пишу тебе, как прошёл сегодняшний день;
 я латал обшивку
 и смотрел боковым зрением, как
 дальние звёзды — вспышками — объединялись в фигуры,
 а
 потом между ними так же мгновенно терялась связь*

* * *

вол в Валахии вольней
всех четырехсот камней

но когда он тянет воз
с этими камнями,
думает: «вот я жил
ничего не сбылось
я силён, но я внутренне съеден днями»

или — в Волыни
камень-вол
лежит на холме
шесть тысяч лет мечтает пошевелиться

приходит птица

— мне ещё, — говорит, — птенцов кормить
я ловлю гусеницу, и, стараясь совсем не ранить,
быстро лечу в гнездо —
а там один слабый,
а один — сильный,
и две девчонки, а
я одна,

мускулатура у гусеницы —
мыслящая волна

в гусенице видны:
близость преображенья,
сила,
комок
переваренных листьев,
и на распутье
гусеница три раза
кланяется — налево, прямо, направо
и выбирает — прямо

а вол идёт

камень-вол греется

— галки в Москве, впрочем, любят лететь
сквозь колокольню, когда та пуста:
между колоколами, верёвками

— внизу — доски

* * *

подземные разговоры
медведки и землеройки
частично опубликованы
полёвкой на полях поля:

— хорошо ли миг-глаз глуп?
— хорошо? я-то...
— хорошо-то прожить в углу
— только кто споёт о

...ширящееся как на гончарном
небо круге — кругом:
хорошо миг-глаз глуп —
и не о другом

* * *

мы сверкания снег-Овидий
мы Россия котóрая же —
отличается от невидимой-себя даже?

— время зрением замирает
и ресницами снег жуёт
оживает и убывает
как корабль, идущий вдоль ровных, как свет, забóров

* * *

человеческая душа
 простовата как расставанье
 непродуманное, слепое:
 возьми с собою

а
 не берёт

и сам ветер врёт
 сам репейник — контур
 сам платок пуховый растянут чуть
 по углам

и улыбка летит над степью
 в дальние леса
 там её попробует перенять —
 прыгнуть в крик — лиса
 и нечеловеческая чернота
 чувства всё равно
 будет не как эта —
 вдруг утихшая в совершенно святой покой

Рассказ

ветки очей-увёрток:
 не вру — живу
 вечером шаль и чуткий
 шажок в траву

пёс поводя по уху
 ковшом из звёзд
 старится; я живу — холм
 лучи и дрозд

сушатся холсты
 золотом
 бьют белеть
 падаю — травы холод
 погреть смотреть

битвами птиц и ягод
 глаз и лица
 вьётся венок —
 и рвётся

... снятся свинца
 шарики
 туча
 скрип ворót
 сапоги
 вялая дрожь отворотов их

спич-
 ка

троп-
 ка

* * *

человек
ужаленный осой в сад
говорит: я сед
позовите стог
и цветок

до свидания ветхая юность лепестков мака
до свиданья собака
и очи сойки
и сквозь хозяйственные постройки
товарняками дует стучит закат

* * *

теми
нами
на миг

* * *

— так выносят воду в кружке
человеку цвета всей
расстающейся земли —
клину видимой углами
непрямыми тех полей
европейских — журавлей
клину видимой углами
непрямых полей — земли
цвет лица у человека
цвет лица и рук когда
кружку взял — а там вода

* * *

перед внутренним
собой-холодом
ставят лёд
стихотворной формы

фокусируй солнце, ага

* * *

в олене линии спят в круг
вписанными кустами — сам
его короткий сон как друг
списанный с неба небесам
а всё над ним отражено
в его случайной дрожи так
что обнято и прощено
как эти стрелы крик и мрак

в охотнике всё — из мешков
в торговце — из карандашей
в монахе — просто далеко,
не достаёт его ушей
и слыша капли что висят
он смотрит как седеет ум
когда и лет и пятьдесят
и серый день как белый шум

* * *

настоящий человек
это старик
хочешь облако горит

— почему голова?
— разговор виноват

облако горит
почему старик разговор? голову
клонит, любит

* * *

шатает хор
верба
лагает хор

трава — едва,
или
прошлогодняя

слава Господня
слава вокруг

и слоновья нога
пластиковой бутылки:
верба

* * *

оперетка
серафимы
дуют каторжный мотив
и гробницы сиротеют
хорошо тебе писать

хорошо тебе писать
хорошо тебе плясать
хорошо тебе не будет как придётся воскресать
что ответишь на вопрос
почему ты стал таким
здесь не шёл
здесь не останавливался
здесь не думал
здесь думал

господи скажу я совсем уже подлым голосом
и не смогу продолжить

* * *

логика в Раю:
«я не так пою
и могу молчать
и пойду встречать

на любой дорожке
кошку и друзей
день большой, хороший
мы пойдём в музей

там земные штуки —
хлеб, гончарный круг
выступят, как рúки —
из идеи рук:

смотришь — немо, немо —
в óкна на поля
и — новое небо,
новая земля»

* * *

нить вить два —
стриж и да
Винчи ангелу-вестнику нарисовал
золотой краской крылья

вить нить кто?
— крот
в одной из веток метро
сделан весь из гула

нить —
тропа в поле, над ним
одинаковые барашки

сколько глаз хватит;
скоро
в город: вить нить

* * *

трещина прилась
на треть лика
правый глаз уцелел
и нас видит, но
без объёма, просто:
«я среди них»

* * *

вол и овечий сыр
мел и облака
и идёшь как сын
а не как

плавает орёл, моется
кошка: шаг
делает — так и молится
земной шар

* * *

у игольного ушка
верблюжат ведут смотреть
как на той стороне стезжа
человек думает умереть

у него в организме
ветвящимся огнём
ходит мысль что он низмен
и псалом не о нём

а собака во дворе
всё же не воет
и вот день в ноябре:
всё живое

* * *

шел по улице трамвай
как часы
шел и отражался
в крупных шарах росы

и как эссе
«свобода от собеседника»
ехали всё в нём —
и вдруг слова
в соприкоснувшихся головах:

— я люблю тебя как линзу собирающую мир
— а я лодка, и собака вздрогнув спит, а берег — вон

проехали дом
у него на стене
бабочка разъединять
крылья раздумала
и не ходила — думала:

«вес
дня
весь
день,
может, и не меняется,
но его огненное ядро
движется —
так в деревне
дождик бьёт в перевернутое ведро»

на трамвайной остановке
спал на лавке человек
выставив колени
и с таким лицом —
как если бы ему снились радуга над колодцем
и брат с отцом

«я тебя люблю — как линзу, собирающую мир»
«лодка уткнулась
в берег: собака скачет
и кругами, кругами ловит холмы, лес, хвост»

* * *

посмотри на
северных цвет
оленя и ста́да

и стада́ — пятна́ бе́га

посмотри на любое:
там,
там ли твой олень

* * *

сшили из дерюги
лицо земли, и подруги
по ней прошли
посмотрели на цветы:
— это вы цветы
или мы цветы?
посмотрели на круговорот
стрижей, дней и, наоборот,
дней, стрижей,
стали старые, у кротов
ночью спросили:
— как там, в земле, готов
ход на ту сторону нам-цветам?
холодно там?

* * *

ночью гóлоса и соловушкой корабля
поёт дальняя кораблю земля
и луна и мачта
а на сетчатых лестниц ловушку
смотрит ёж
линий между светил в созвездьях,
и постепенно
так настраиваются глаза у нас и у них
что секстанту, хронометру
стыдно своих насечек,
бочкам ополовиненным — лёгкого плеска
волнам — мирного блеска,
и бури вес
чуть шевелится с всех семи
сторон океана
— так края платка, из которого вяжешь куль,
складкой падают, если вдруг решишься остаться,
и предутренный этот холод перед дорóгой
вдруг прогрет до корней волóс и корней травы

* * *

у станка
ткацкого — черепашьи
лапы стучаются

заезаешься — и сто лет пройдёт:
вокруг
все чужие

заезаешься снова —
вернёшься:
вот, все родные

не поймут, почему так
счастлива,
но и сами:

стук о стук
лап и лап,
ковёр

* * *

у туземцев на ушах
стихотворение о мышах
а на носовом кольце —
чертеж хода солнца
оно греет мышей, предметы
и иногда
так обводит колючки —
как навсегда
у туземцев на глазах
совершается не ход
времени, а бирюза
ваших глаз, миссионеры
вот один из вас влюбился
в девушку а та идёт
по далёкому холму
знает песенку одну:
у коровы белой — рёбра
у коровы белой доброй
и как плошка молока
жизнь на звук тупа, легка
тихо танцуешь пальцами
по её дну
и все видят тебя одну
высоко-высоко
летит вытянутая пылинка
так алмаз по стеклу ведёт —
и идёт свет от снимка
в Англии в это время
лошадь рожает
жеребёнка в прозрачном мешке
а крестьяне ждут урожая:
тут мы сеяли-сеяли
и тут сеяли-сеяли
и глаза иногда сияли
и вот вся жизнь

II

Тетрадь
Стихи 2013—2014

* * *

в родном крыле — перо к перу
моя орлица над Перу
и наши лица как гроза
когда мы падаем: коза

а вообще я воробей
и на снегу пшено
и ты меняешься в себе
когда глядишь в окно

* * *

странный каменный том
стихов на потом

* * *

а пузырь, который по луже плывёт,
все говорят: «вперёд»

* * *

Лау́ра видишь
день висит
на хóлмы прячущиеся
летит косящий дождь — косит
как бы глазами луг кося
дом — это туча на дома́
как войско двинувшаяся
сводя — как счёты, как с ума,
суму с водой веда неся
Лаура пламени не дым
мои слова а сливы в дождь
попавшие рядком седым —
тук-тук в траву, и не найдёшь

* * *

Саути был поэт
на полу стоя
он говорил слои
слов
и в каком-то слое
ангел случайный проснулся
...и к чашке чайной
друг мой далёкий прикоснись
обо мне улыбнись

* * *

человек уловил:
годы медленно брали дом
и осколок сухой земли падал с вил
а дождь шёл с трудом
не заглядываясь на вес
синих слив
— хорошо пойти под навес —
и в дом:
ливень

* * *

«думали, нищие...»
о чём думали нищие
нищие улыбались
в магазин хотели зайти
там, в магазине, тихо, когда никто не играет
можно купить любую
одну струну

* * *

жилá
и шмелá
и пчель
всёл
— вёл село в печаль шмель а пчела
жила огибая
пчаль как шаль и далёкие
огоньки: «бе», «рег», «ЛА»

* * *

глобус лицá
Африку отрицал —
Африку ясной радости —
но прокручивал
и Якутию холодности прекрасной
— чем же он к нам повёрнут?
Океанией дробных чувств!

* * *

морось и ветка
ветка вино в пакете
в пакете булка
булка упала в лужу
в лужу и —
морось

* * *

из горошин есть старшая
в каждом стручке
она смотрит на ту,
что дрррр дольше всех прыгает
когда все упали
и осмысленно так молчит
а та долго катится
и останавливается там
где только небо в колодце крон

* * *

тык
ток

ты
кто

я
вор

а

мы с тобой — разговор
можно я украду еду́ и уйду?
или тут посидим поедим?
вот сидим едим хорошо
дождь пошёл
можно я пережду?
ждём
курим

* * *

1

хоботы
тобой тебя
прославляют
рыжая вода

— как тебя себе
представляет взгляд?
вот учебник с главой
там кувшин несут головой
— и обводят
белой гуашью
красную точку на лбу

и вот хобот:
бу!

2

макака
пьёт молоко
запустив в него большой
палец (чашка —
без ручки)

* * *

дорогами черепах
шли шутки о черепах
и Хлебников не с тобой
беседует а в любой
его круглой букве есть —
угадай
чьей пробуждение ду-
ши,
каким бы ты ни был

* * *

а я ясные дни
а я яблоки ела

* * *

ты я знаю
ты я

* * *

бег после 30 лет
бег по воде

* * *

сам собака, сам гроза
сам ресницы и глаза —
день ото дня отбивался
пока тот не убежал,
а который день остался,
в том и я — и это «жаль»

* * *

на журнал асемического письма
«оса и овца»
падают — тень цветка,
тень повёрнутых в профиль друг к другу лиц:
справа — царь
загрустивший Саул, слева — царь-
псалмопевец Давид:
молчат
и кудрявы, как облака́

ночь легка
и листва легка

* * *

читатель недоумевая
касается себя-трамвая
и смотрит на пакет с вином
который он везёт вверх дном

и светлый параллелепипед
пакета говорит: «я — дом,
и дом твой — дом: всё это — ты!» — и
читатель вышел, встав с трудом

и относительная влажность
и медленный полёт одной
вороны обретают важность
границающую с тишиной

* * *

нам бы как на́ ухо
кто шепнул:
«на войне оно, небо-то
а ты его шёл и пнул»

что, какой
кустик теперь обнять?
и махнуть рукой
честно не понять

* * *

или от щебета рябит
в голове
или в Москве
ежегодно проходит жизнь

— ты ещё скажи, так устал,
что в трамвае места не уступил,
дома долго разглядывал слово «Кристалл»
на случайной и одинокой
винтовой крышке

* * *

мы бутылками сдаём
время:
время — водоём
простирающийся от
и до самых
мы как будто перевод
сделанный небесам, а
те читают, не понимая:
оригинал — они

а мы бутылки сдаём
берём дни

* * *

— на твоих
вечерах все
спят

— на твоих
вечерах всем
стыдно

* * *

советский скульптор
осознаёт
что он койот
мочится на скульптуры
грызёт себя
надо к нему зайти
надо к нему зайти
советский врач
осознаёт
что он грач
ходит по газону
быстрым скворцом
бьётся в припадке
вниз лицом
надо к нему зайти
надо к нему зайти
советский школьник
осознаёт
что он дольник
и берёт тетрадь
воспитывать в себе ямб
господи это я

* * *

о равнении на пилу
 говорили деревьям мглу
 и согнали с неё сову
 а та на лету
 поворачивает как голову
 ночь, в траву
 падает: таммышь
 хищнику виден тот, чья кровь
 теплей, чем у трав
 и гудит проволокой тревоги
 любовь-телеграф:
 спишь, не спишь?
 тоска не великая?
 тогда ладно
 ночью прохладно
 лужи светятся по краям;
 как счастливый вдох, велосипед
 плывёт длинной тенью
 одного колеса, второго
 — полвторого
 сова в лесу
 август на носу

* * *

поезд окнами ночными
 думает как дом:
 — звёзд не видно. как тебя зовут?
 — моё имя —
 леса полоса

...разными точками разговора
 так задаются:
 нежность,
 глупость (её обесмысливающая)
 (мы читатели мыслящие)

Собачья песня

ва в ва
 в ва в ва
 вы в вы
 в вы Ъ в вы в
 ваАв в ав в а
 вы Ъ в вы... в rrrrrrrrr

я слаб
 я с лап
 морду не поднимаю
 хотя не сплю
 и идут к сараю воры
 а я хозяина не люблю
 но он прибьёт
 если не укушу
 и вот поднимаюсь
 ноги трясутся
 воры глядят
 то на меня, то на дверь
 — бедный ты,— говорят,—
 бедный зверь

* * *

бросовый воздух
 бросовая роса
 бросовые полчаса
 часовые любви
 босой
 хор

* * *

блошиный рынок
балалайка
солнце рассохшейся спиной
зимнее ловит
между мной
и следующим пешеходом

* * *

до-
щуриться до
счастья
вместо пейзажа
до
лошади вместо луж
крыльев вместо крыш

* * *

кошка подвала
кошке окна́
говорит:
— мир — овал,—
а та ей:
— тишина

и вдохнув-выдохнув
серую сетку
глядит на соседку

* * *

у красивого кола́
и красивого двора
ходит белая коза
с жёсткой гривой и сняла
лист последний со куста
вот: казна куста пуста
но ещё она кору
будет прикусив тянуть
отпускать как грех жару
и ресницами шагнув
повстречает иван-чай
вот и ты меня встречай

* * *

я был на стороне наук
я к ним сводился как паук
потом на стороне искусств
я стал как пять ничтожных чувств
но вера вдруг пришла ко мне —
и я как флаги на Луне!

* * *

брат Снег снял фильм, доминиканец
брат Дождь — пошёл, он францисканец
пошёл
со съёмочной площадки
увидел рыжую лошадку
и говорит:
а крыша где?
и оба ходят по воде

* * *

за что мне тёплая кора
старого дерева? пора
спросить об этом — почему
прижался я щекой к нему
а снег пойдёт через полгода
и с каждым шагом рост его
будет как сердце пешехода
о спящем дереве живом

III

Ковчег

Стихи августа 2014 — марта 2015

Зинон

1

когда архимандрит Зинон
осмыслил заново канон,
он осиян был и овеян
в холодно-серой глубине
квадратной комнаты: мы верим
ему вполне

он как бы ангелом с минуту
был — против света — обведен
и этот ангел в нём чему-то
сказал: идём

— Тарковский, да, вот этот холод
души снимал:
когда ты выдуман и молод,
а мир поймал —
— ты его
или он — тебя, но
вдруг — сбой, просвет
и ты садишься на диван, и
свет — это свет

2

снег — это дворик монастырский,
забора тень
волнистая — так Монастырский
по пустоте
подсвеченной — а, это Пригов —
чертил чертят,
и солнечный там зайчик прыгал,

и все хотя
и радовались — но сквозь скуку,
и лени жар
тянул из года в год, как руку
огня — пожар

а тут — мороз хватает щёки
среди тишины,
и ад и все его уроки —
отменены

3

— послушай,— говорит пологий
кусток кустку,—
когда б ты мог, как эти ноги,
бежать к мостку —
ты б был счастливее?
— не знаю,
но сквозь меня
быстрее мелькала тишина бы
любого дня

— послушай,— говорит лисичка
концу хвоста —
когда б ты мог, как электричка,
лететь с моста:
гореть, дымиться и ложиться —
ты б был сильнее?
— нет, я не смог бы с этим сжиться,
и я умней

...идя бессобытийным лесом
(хотя там-сям
скрипят деревья мертвым весом,
и по осям
их механического плача

идёт ку-ку),
Зинон задумался, что значит
«познать тоску»

— вся — гефсиманское усилие
«понять, зачем»,
у каждого из нас Россия
спит на плече

4

.....
.....

5

стамеска — и пока доска и
щепки, встающие крылом:
вся золотая, мастерская:
тесно, тепло
молитва, веник ли для стружки,
счёт лет и дней —
а надо всём как голубь кружит —
родней, сильнее

6

.....
.....

7

так, радуясь и размышляя,
живёт Зиноп

и обновляет, обновляет
канон, канон

* * *

дождь и жизнь обычных людей
никто не расскажет лучше
чем сам человек
0,25 мм/ч (морсящий дождь)
Сообщение о том, что к остановке подошел автобус
с номером N1, несёт 4 бита информации
Дождь выпадает, как правило, из смешанных облаков
указатели на остановке
это неважно, на какой — автобусной, трамвайной
Если солнце освещает летящие дождевые капли
Трамвайчик по рельсам катится
В Черепунджи ежегодно выпадает 11 777 мм дождя
Человеку, ожидающему автобус на остановке, следует поднять
руку

Планета Земля и Титан обладают такими условиями
когда капельки воды сливаются в более крупные капли
на юго-западе Индостана
на остановке «Областная библиотека»
в Бельгии — в сентябре, в западной и северной Франции —
в октябре-ноябре

Повстречала на остановке вот такого парнишку
субтильный парнишка ботанического вида
Подъезжает автобус
капельки воды сливаются в более крупные капли
Очень крупные капли имеют форму парашют
их форма вовсе не напоминает слезинку
Звук падения капель дождя о воду
Косой дождь, косохлёт
Ситный дождь — мелкий дождь,
Спорый дождь
Грибной дождь
Слепой дождь — в Японии говорят:
«Жена-лисица следует в дом своего мужа»
Грозовой дождь
Градный
Снежный дождь

чёрный, жёлтый, молочный,
из зёрен овса, ржи, листьев, цветов,
из насекомых, лягушек и рыб.
100 мм/ч (ливень)

* * *

за любую даже большую даже войну
люди тихо умели штопать — и что: в слепой
лампе дёргался огонёк, падал ком земли
что-то булькало спиртом даже если в груди
а в какой-то непознаваемой середине
поворачивалась, как стая, тоска в плену —
к переходному, ещё внутреннему, побегу,
как любовь, насовсем окрепнув,— к простому сну
враг на танке сидел как птица и что ли птица
шевелась замирала в умных ночных кустах
врач бежал и чего дорóга — опять проститься?
а потом чёрный дождь на скользких кривых мостах
и чего-то курить, а мы народимся будем
очень тихо смеяться, сниться, ходить, глядеть:
это счастье — ходить глядеть, и навстречу люди,
а мы — мимо: ходить и видеть — и вдруг глядеть
потому что тэ — могли штопать и бросить штопать
и ослышавшись: нет шагов, есть свои следы,
посмотреть как скопилась копоть, коснуться: копоть,
замотаться платком, пойти, принести воды

* * *

1

дóма-дóма!

2

и лента друзей;
след в след
прибегают друзья к
кириллице —
и к лицу
иногда её близко подносят,
к сердцу берут

3

БУКВЫ ГОВОРЯТ:
нас придумывали монахи;
жухла листва,
монастырские стены листве всегда — как забор
кошке серой: тереться спиной, пройтись

4

вот и разговор
выходил у монахов:
— букву эту вести —
слишком долго:
петлю похерим, овал сомкнём

5

— звúки — будут меняться;
Господи,
дай веков,
дай хороших веток:
из берёзовой сажы — чернила:
рéки рисовать
и надписывать им названия,
островки
обводить: там на каждом ива,
ива, ива,
рогоз, рогоз:
утки — в этот рогоз, жмутся спят

6

— наши буквы так будут спать
в книгах, и вино
истины-то — в уксус узора, еле
внятной, светленькой пустоты и перегорит!

7

и большие ели
вокруг стен монастырских густо
дыбили шерсть,
и лиса бежала,
рыба рыбу большую обогнав
прыгала, жила,
а река ветер отражала

8

...лента-лента друзей,
латиница,
Гринич-виллич

9

«10 лет без Хвоста»

10

мы — здесь.

* * *

как дела,
вода?
иногда видно дальше
иногда что
иногда серебрясь мелькает
стаяка под другой
отражённой
как дела,
вода?
иногда слышно
себя же
иногда даже
стаяка чуть крупней в глубине
под другой, окрепшей
повторюсь, как дела,
вода?
повторюсь, отражённая
стая над другой,
выросшей, последний
раз летит куда-то туда
— как дела,
вода?

* * *

листок сухой ребрист борзой
и падает стуча
и вот глядеть на него час
и следующий час

а вся земля — из карих слёз
на зябнущем свету
и след витой от двух колёс
весь мимо на лету

а там для новых — дуговых —
черт ветра спят поля
сквозными нитями травы
дыша и шевеля

* * *

на чае синий день темней,
и гуще пьёшь его: горяч,
он состоит из прежних дней
и ими же тяжёл и зряч,
как внутренний любой огонь,
качнувшийся не опалить,
а греть ночным костром ладонь
и о лице молчать и длить

* * *

что растопка печная — трещины бересты
 ...в дождевых доспехах вернуться — а спички где?
 керосиновой лампы колпак орёт
 и ни слов ни глаз
 а печного огня нос бычий так дует дому:
 «я твой сквозь-время-паровоз
 я твой час»

Ковчег

когда сстрижём ресниц
 ножницами — общих
 общую ночь границ,
 и — слезами вплавь? —
 спрашивает на весь ковчег
 лёгший шейей жираф
 — нет, давай спать стрижом
 будущего; когда
 будут новые суша
 и города? —
 отвечает жирафа:
 шея на весь ковчег
 ...если рожками боднуться,
 улыбнётся человек
 Ной — высокий и рыжий,
 как Норштейн: не шутя
 ждёт голубку, и в крышу
 небо дует летя

* * *

врѐменный дом
временнóму дому
говорит:
не спеши
не горит

время время
ехало оно мимо
тѐплых, с длинной травой, лугов
видело оно
город

врѐменному дыму
в тамбуре
временнóй туман говорит
таянием:
ясность ясность
непродолжительна
и проста,
собранный со всей жизни любовью любима

врѐменный дом
временнáя рука
пуста

* * *

забор — сетка ржавая, и у про-
боин сжалась тесно, и где прямой
провоолокой её латали,
там путь мой

в сетке лист застрял
над слежавшимися под снег;
уши так горят
в тишине:

ты кому таким дураком
с головой и рук
собственных шлепком
пó лбу вдруг

и чуть дальше зрячего кипятка —
шум: трубу кладут;
фонарь вертится в облака,
псы идут

* * *

бесстрашному безоблачному ряду
древесных снов дневных под рождество
ни клочьев речевых о нём не надо
ни солнца в них, и вертит головой
середина дня, как бы последней скукой
вдруг впрыгивая в просто-тишины
и взвесившую всё большую руку
и мы её и видим и видны

* * *

что поделаешь
в небе ещё не тишь
ещё не летишь
ещё не вываливаются из карманов
и не катятся далеко
хлопья жёлтых туманов
споры дожdevиков
а сидишь себе и главенствуют
над тобою забор и лес
синий как деревенская
безучастность, любовь небес

* * *

у льда внутри
глаз-воздух вблизи и вдаль —
как бы им и посмотри:
круглые кроны качнулись — стук в стук,
точь-в-точь

* * *

теория времени как объема
в котором
идуций человек оставляет
гусеницу из бесконечных
фаз себя
а все события одновременны, и
в каждом ты

* * *

кы-кё-кя-ке, как сказала галка —
только в том ли порядке, и так всегда
речи любого мгновенья жалко;
точками беглой мути стынет вода,
и отраженье ворон, и стволов, и веток
золотом невесомым обведено —
как не глядишь, а знаешь, кто против света
гордо сидит и снегу глядит в окно

* * *

так вздрагивает снег на темя
и в темноте слоями теми —
теней, полутеней, теней —
ночь, и о ней
такое же ничьё молчанье
и жалоба и светлый куст,
как будто август, и ночами
бледны раскопки кирпичами
и вдруг — черна, черна, случайна —
эмаль искусств

* * *

посеяв гусениц в синицу
свернулся первородный грех
сытою кошкой, но ресницы
поднимешь — и на миг на всех
шарах листвы и пирамидах
тот острый свет довременной
где ни опоры, ни обиды
и всё — как чайный пар в окно

* * *

уныть уныть унытьуныть
унытьунытьуныть теряя
смысл — как бы вытянуться в нить
круги пустые повторяя
каракулями на столе
не оживая, оживая
а утром первый снег к земле
прибит дождём — и счастлив, слеп
на ветках, машущих трамваю

* * *

так или тихая дорога
и рада холоду немного
и ветка падает в траву
а та ей: мы река и лодка
и ночь на дождевом плаву

или простор предсна́ — как лоб; как
щурится комната на том
краю беспроводном, поводит
луною сна, и солнце в дом
идёт уже́ и переходит

с материка на материк
с такой чертёжною свободой
как книга падает: «живи» —
как предбытийный черновик
исчез, как снегом сел на воду

* * *

слова́, умнейших вам соседств!
от отчих гнёзд пора к звезда́м
в пустой застольный огонь беседств,
к счастливым зимним поездам
о! вся — в пробóи сёрдца речь
дорожная: ту-тук-ту-ту:
как нить-стрела растить-беречь
летит — и спит на всём лету

* * *

весело невесом
вертится колесом
перевёрнутого велосипеда
ум до обеда
бьёт по спицам травинка
и руль в траве
скатерть на траве

а потом через мостки
августа
мимо грибов сентября
чуть взглянув на строительные
лесá октября —
там руками машут —
пролетая тоннель-ноябрь:
в тоску — в тоске — из тоски —
к жизни зимней домашней:
до
самых теней капли и
пара от ап-
рельских луж
спит как рожь и уж

* * *

старика из держащихся друг на
друге камней —
аксиальных камней:
сдвинь на миллиметр —
и
нет не будут умирать
просто заново собирать
а кому? — таким же
вот и чуть пошатнувшегося все
видят
и подходят боясь сами рухнуть и это мощь

* * *

когда далёкий экскаватор
с пустым ковшом как император
заснул, и локоть — для ворон
взгляни на это с трёх сторон

с одной — идут солдаты краем
аллеи липовой — и раем
глядит на них осенний свод

с другой — озёра стынут ровно

а с третьей — встал когда завод
из снега навсегда пропала
та примесь дробной черноты
но и о ней грустят кусты
и спят / не спят в унынье лёгком
выздоровления, в шарах
литого снега — как бы в лёгких
весь кислород, весь взлёт, весь страх

* * *

и не ветер — огромный ветер
против шерсти земли
земля рыжая земля вечер
шли
прошли
часть пути
и ещё идти

а земля отпускает ветер выгнуться небом
или — нет, не погладить, а один раз провести
по ноябрьской шерсти земли
пока все не видят

* * *

видишь, они невидимы, они там
и не страшны, и ходят не приближаясь —
мусорных тени птиц по пустым кустам;
«жизнь,
где твоя жалость»

видишь, к разрыву туч повело крыло
серого зимовавшего целлофана
в ветках, и все дороги лежат светло,
и
идти — рано

* * *

«было время великое
стало плоское»
— потанцуем на досках
они без заноз
они просто крест-накрест наискось
поверх луж на вдруг перепившей
земле — и там,
за заборами далеко
киснет молоко
виснет сыро, долго
табачный ком
в комнате; над домом
тычутся в закат
запятые печные

— было время, лягушка-река
кидала язык
солнце исчезало
и вдруг возы
все цыганские двигались —
а сейчас?
чуть за час
гаснет радио на начале
новостей
и дрожит, шагнув, стрелка
— но при мытье тарелки вдруг —
планетарной
дуговой орбитой капля бежит
и отражает лампу —
как свет нетварный
взял и обвёл дыханием
шаг и жизнь

* * *

как кони в яблоках живут?
 овёс овёс навес
 и в яблоках ещё белы
 и слёпы семена
 веди веди рукой траву
 весь шар холма в траве
 и крыш далёкие углы
 бледны как имена
 забытых еле-встречных, вдруг
 как бы глядящих сквозь
 вагонный грохот, а когда
 всё видно — их и нет
 но воздух тут — как «всё вокруг»,
 «всё вместе», «всё сбилось»
 и ободом горит вода
 серебрясь на глубине

* * *

в нашей (новой) поэзии промелькнул как возможность
 некий аристократизм смысловых ежей
 но нас ужалила самодостаточность их, прозрачность
 и мы открыли столовую для слов-бомжей:
 пир на ветру! пар на ветру! и поэт говорит «умру»
 пляшет в двадцатиградусный мороз
 бьёт по колену стянутой чёрной шапкой —
 просто чтобы отвлечь стихи от где-то — где?
 затаившихся, вновь-первозданных слов,
 чтобы эти слова как зёрна цветов
 мирно и вовремя летом взошли — цветами
 ирисами прекрасными и кустами
 чуткого к лёгкому ветру шиповника, а, дай бог,
 новых поэтов мужественное молчание
 издали берегло и дыханье их, и звучание

...эти сложны интуиции, и понятно,
 что, бросившись — каждый в свой час — всею речевой
 не железной органикой на амбразуру
 преображаемого языка,
 кто из нас сейчас не головешка вместо фигуры
 собственной, шлак, посмешище дурака?
 а в довершение — встречай ослепительного сиротства
 эпигонов: они в восторге от благородства
 смысловых ежей —
 и не могут их удержать,
 умываются — и к словам-бомжам, а те — ржать
 но вот к рукам-то юным, к робости их печальной
 тянутся вдруг слова-цветы —
 всей своей краткостью красоты,
 и дорогой дальней,
 брат мой, ко всем чертям идём я и ты

* * *

...старики
 смотрят ящериц и собак
 сидят у реки
 и табачной грухой летят годы
 их молчания и свободы

— кто бы бывших поэтов
 собрал в одну
 золотую деревню
 и протянул
 между ёлок верёвку:
 когда мокры,
 пахнут счастьем прищепки;
 трещат костры
 и поленницы звонче звонниц

раз в неделю —
 хлебный фургон
 взгляд в туман
 как сквозь самогон

дятел сёрдца живёт внутри
 в кору тѣла стучит душой —
 куда рвѣшься-то? посмотри
 подосиновик есть большой
 и корзина полным-полна
 и такая вдруг тишина
 что запрет на рифмовку, лист,
 запертый, как стеклянный шприц,
 просто сами совсем ушли
 а костѣр с котелком — горит

* * *

что нас греет
 то ли то
 что нас видит
 то ли то
 что и не умея видеть
 водит по земле пустой

долгим холодом дарит
 и карает и царит
 как бы знанием и зреньем —
 но смягчается любя
 и меж солнечных кореньев
 спит как воздух в миг себя

Содержание

Порвин А. Знак как причина урожая. О стихах Василия Бородина	5
«тучки слога немногие...»	13

I. Стихи 2005—2014

«разбитые сердца сбивались в стаи...»	17
«проверим...»	18
«это мой узор...»	19
Памяти Целана.....	20
«запятая читала медленно...».....	21
«оставляя чуть-чуть...»	22
«коптское сердце выше метеорита...».....	23
«в издательстве “верный шар” издают...»	24
«терменвокс распадается на мензуру и амплитуду...».....	25
«в седой ветер...»	26
«в бережёных буднях...».....	27
«порисуй...»	28
«горный тёплый облёт...»	29
1. вне земных своих слабых стран...	30
2. ...вот...»	30
«конь стои́т направлен в ухо...»	31
«и как словарь два сердца...».....	32
«нота майского жука...»	33
«по кромке крыш...»	34
«чай разлетается чуть-чуть...»	35
«вол в Валахии вольней...»	36

«подземные разговоры...».....	38
«мы сверкания снег-Овидий...»	39
«человеческая душа...»	40
Рассказ.....	41
«человек...»	42
«теми...».....	43
«— так выносят воду в кружке...»	44
«перед внутренним...»	45
«в олене линии спят в круг...».....	46
«настоящий человек...»	47
«шатает хор...»	48
«оперетка...»	49
«логика в Раю...».....	50
«нить вить два —...»	51
«трещина пришлась...»	52
«вол и овечий сыр...»	53
«у игольного ушка...»	54
«шел по улице трамвай...»	55
«посмотри на...»	57
«сшили из дерюги...»	58
«ночью го́лоса и соловушкой корабля...»	59
«у станка...»	60
«у туземцев на ушах...»	61

II. Тетрадь. Стихи 2013—2014

«в родном крыле — перо к перу...».....	65
«странный каменный том...»	66
«а пузырь, который по луже плывёт...»	67
«Лау́ра видишь...»	68
«Саути был поэт...»	69
«человек уловил: ...»	70
«“думали, нищие...”»	71
«жила́...»	72
«глобус лица́...».....	73
«морось и ветка...»	74
«из горошин есть старшая...»	75

«ТЫК...».....	76
«1. хоботы... ..»	77
2. макака... ..»	77
«дорогами черепах...»	78
«а я ясные дни...»	79
«ты я знаю...»	80
«бег после 30 лет...»	81
«сам собака, сам гроза...».....	82
«на журнал асемического письма...»	83
«читатель недоумева...».....	84
«нам бы как на́ ухо...»	85
«или от щебета рябит...»	86
«мы бутылками сдаём...»	87
«— на твоих...»	88
«советский скульптор...»	89
«о равнении на пилу...»	90
«поезд окнами ночными...».....	91
Собачья песня	92
«бросовый воздух...».....	93
«блошинный рынок...».....	94
«до-...».....	95
«кошка подвала...»	96
«у красивого кола...»	97
«я был на стороне наук...»	98
«брат Снег снял фильм, доминиканец...»	99
«за что мне тёплая кора...»	100

III. Ковчег. Стихи 2014—2015

Зинон.....	103
«дождь и жизнь обычных людей...».....	107
«за любую даже большую даже войну...».....	109
«дóма-дóма! ...».....	110
«как дела...»	113
«листок сухой ребрист борзой...».....	114
«на чае синий день темней...»	115
«что растопка печная — трещины бересты...».....	116

Ковчег.....	117
«временный дом...»	118
«забор — сетка ржавая, и у про-...»	119
«бесстрашному безоблачному ряду...»	120
«что поделаешь...»	121
«у льда внутри...»	122
«теория времени как объема...»	123
«кы-кё-кя-ке, как сказала галка...»	124
«так вздрагивает снег на темя...»	125
«посеяв гусениц в синицу...».....	126
«унить унить унитьунить...».....	127
«так или тихая дорога...»	128
«слова́, умнейших вам соседств!..».....	129
«весело невесом...»	130
«старики из держащихся друг на...»	131
«когда далёкий экскаватор...»	132
«и не ветер — огромный ветер...»	133
«видишь, они невидимы, они там...»	134
«“было время великое...»	135
«как кони в яблоках живут?...».....	136
«в нашей (новой) поэзии промелькнул как возможность...»	137
«...старики...»	138
«что нас греет...»	139